

Игорь ИГНАТЕНКО

член Союза писателей России,
председатель правления Амурской областной
общественной писательской организации

Стихи

Urbis

Где из просоляренной земли растут стальные хвощи,
В канализационных трубах течёт прокисший бульон,
Солнечный свет заменило дрожание неона,
На каждом углу продаются зелёные банкноты,
Люди слушают пластиковые наушники
И совершенно не замечают нищих инвалидов,
Подъезды домов загорожены подержанными авто,
На лестничных клетках висит застарелый сигаретный смог,
Снег детских площадок усеян собачьими экскрементами,
В мусорных контейнерах роются экзистенциалисты,
Все киоски завалены содовым баночным пивом,
На первых страницах газет ниже белье знаменитостей,
Куртизанки в джипах давят на перекрёстках старух,
Бульвары завалены спиленными верхушками ильмов и вязов,
Которые у нас почему-то называются карагачами,
Мобильники кандалами сковывают руки прохожих,
Магазины торгуют турецкими и китайскими шмотками —
И так далее, до бесконечности, ибо тупость людская безгранична.
Тут не до рифм и соблюдения силлабо-тонического размера,
Каноны строгой метрики отступают перед бетонным хаосом города,
В котором человек потерялся среди задвижек и чугунных заглушек.
Будет свет и тепло — зашевелиятся руки и ноги,
Провернутся валы механизмов, защёлкают кнопки компьютеров.
Будут пища и зрелища — много нам и не требуется.
Многотысячный город, ты сделал меня одиноким.
Иду среди людей, и меня швыряет как щепку в половодье запруженных улиц.
Хочу подойти и поговорить с кем-нибудь, но разве меня услышат?
Все куда-то бегут, шелестя пластиковыми пакетами,
В которых необходимые для счастья покупки и хлеб насущный.
Я забыл название улицы, на которой живу,
Но точно знаю, что она не носит имя вождя.
Наверное, она называется Зейская или Амурская,
Ведь наш город стоит в слиянии этих рек, где сливаются судьбы людские
В одно безликое городское хозяйство, которым любят управлять чиновники,
Активно борющиеся за власть, приносящую доход и взятки.
Можно сдохнуть с тоски, опустив безвольно руки
Перед тем, что латынь величает URBIS.
Но я точно знаю, что в одном из силикатных домов ждёт золотоволосый внук Даниил,
Который встретит меня чистой улыбкой, протянет ручонки и скажет: «Деда!»
Ради этого мига стоит жить и терпеть этот город.

Встреча с Тамбовкой

Устав бежать бескрайними полями,
Шоссе заходит в левый поворот.
Село степное новой встречи ждёт,
Гостей встречая вместе с тополями.

Эй, великаны, как вы высоки!
Не вас ли мы сажали дружным классом?
От северных ветров спасая трассу,
Теперь уже вы стали старики.

Один из вас – вот этот – верно, мой...
Он колышек забыл – свою опору.
Я узнаю его по листьев разговору,
Что воскресает каждой весной.

Поговорим о тех, кого здесь ждут,
Их так немного на земле осталось
Нести свои потери и усталость,
И вспомним тех, кто больше не придут.

Здесь школы нет, что нас учила жить,
Её снесли во имя новостройки.
Дух памяти, неистребимо стойкий,
Не позволяет нам её забыть.

Мы здесь учились верить и любить.
И как бы ни были порою строги
Мудрейшие на свете педагоги,
Мальчишества нам всё же не избыть.

У взрослости немало есть причин
Стать правильным и скучным человечком.
Но я опять хочу, увидев речку,
Вниз головой с моста нырнуть в Гильчин.

Он подзарос давно густой травой,
Забилось русло тиной и илом,
Но остаётся всё таким же милым
Поток воды в безбрежности степной.

В нём есть, я верю, чистые ключи
С живительной влагой родниковой.
В жару я побегу купаться снова
В твоих объятьях, узенький Гильчин.

Раскинув руки, упаду в траву,
В духмяный клевер и тысячелистник.
И в небе синем и глубоко чистом,
С восторгом детским снова утону.

31 июля 2009 года

Неведомое

Знать не знаю, что будет за этой строкой:
Может, пламенный бой,
Может, вечный покой,
И когда отгорит мой костёр над рекой?

Всю бумагу, где планов лежит громадьё,
Не приемлет усталое сердце моё.
И напрасно кружит в небесах вороньё,
Весть о гибели скорой – сплошное враньё.

Поплавок золотой пусть утопит карась,
Разрывая с покоем тончайшую связь.
Всё приемлю, на солнца восход помолясь,
В путь неведомый смело опять устремлясь.

Я ещё не философ, уже не рыбак.
Пусть не Муромец я, но давно не слабак.
Мира я не ищу и не прячусь от драк.
Далеко не мудрец, но совсем не дурак.

Книгу книг я читал, но найти не сумел
Тот закон, по которому множество тел,
Покидая земной оболочки предел,
Знают то, что один лишь Всевышний велел.

* * *

Барабан потерял палочки,
У валторны пропал мундштук,
Фортепьяно вконец расстроилось.
Билось сердце и успокоилось,
Вчера вы слышали последний стук,
Теперь оно лежит в музее на полочке.

На табличке тушью натрафаретено:
«Сердце отработало свой ресурс»,
Но это неточный перевод с китайского.
Зато можно послушать жука майского,
Затем пройти иврита начальный курс
И выпить чаю в половине третьего.

Давайте встретимся с оркестрантами,
Разольём по кружкам сивушный шнапс,
Иначе все мы рискуем чокнуться.
Фортепьяно настроим чопорно,
Найдём мундштук у кого-то из нас –
И станем танго играть ресторанное.

Голубиная верность

Это было давно – сорок пять с лишним лет...
Я сдавал «зарубежку» доценту Нехаме
Иоановне Вайсман.
Ответ на билет
Был насыщен возвышенной прозой, стихами.
Провидения перст свою милость явил:
Мне достался билет, что не нужно готовить,
Чем, признаться, Нехаму тогда удивил,
Ведь поспешность могла очень дорого стоить...
Как голубка, она ворковала: «Ну-ну...
Не спешите, студент, ещё можно подумать.
В нашей жизни поспешность совсем ни к чему...»
Но удача в лицо догадалась мне дунуть.
«Пан Тадеуш» Мицкевича и «Дон Кихот» –
Эти книги в тот год мне друзья подарили,

Александр с Николаем. Их вечных высот
Мы ещё не постигли, но всё ж воспарили.

До сих пор мы в полёте, упорно летим.
Перед нами раскрылась холодная вечность.
Но всегда согревает в далёком пути
Нас Нехамина нежность,
Голубиная верность¹.

Мы расстались с Нехамой,
Что тщетно понять...
Значит, крылья сложить неизбежно придётся?
Эту горькую истину трудно принять
До тех пор, пока сердце надеется, бьётся.
Нам она завещала друг друга любить –
Это было в её голубиной натуре
Самым главным,
Поскольку любить – значит жить
И служить
Делу жизни завещанной – Литературе.

Я в музейную тишь не спешу заходить.
Слышу голос Нехамы в телефонной мембране:
«С вами я остаюсь!
С вами я буду жить.
Я всегда буду здесь.
Я всегда буду с вами...»

2-5 марта 2009 года

* * *

Пусть лют мороз, в теплынь купели
Ты окунись.
Блаженны, кто в январь сумели
Восславить жизнь.

Не тяжела вода речная,
Струя чиста.
Звезда тускнеет, как свечная,
В исход поста.

У образов зажги лампаду,
В ней Божий свет.
При сем свидетелей не надо,
Да их и нет.

От редакции. В уходящем году вы, Читатель, могли прочесть новую книжку стихов Игоря Игнатенко «Простые ритмы». Рассказ о ней вы найдёте дальше, в критической рубрике «Книжная лавка». А сейчас наш разговор о другом – о «непростых ритмах» новых стихотворений поэта, в которых Игнатенко узнаваемо неузнаваем. Сбилось его выверенное силлаботоническое дыхание в некоторых из них. В «Urbis» поэт перешёл на верлибр, в котором слышится голос рэп- и рок-поэзии, а в стихотворении «Барабан потерял палочки...» – на акцентный стих с акцентом на... Маяковского (так сказать, в продолжение). Из контекста других стихотворений с привычными «простыми» ритмами и ностальгически-элегической тематикой (детство, родина, прощание с Учителем, память) эти два выпадают. Элегический пафос сменяется драматическим и ироническим. Но при этом в них сохраняется хорошо знакомая, безошибочно узнаваемая игнатенковская «фирменная», всё до конца проговаривающая иронично-назидательная интонация: «И так далее, до бесконечности, ибо тупость людская безгранична. / Тут не до рифм и соблюдения силлабо-тонического размера»; «Будут пища и зрелища – иного нам и не требуется»; «Давайте встретимся с оркестрантами, / Разольём по кружкам сивушный шнапс, / Иначе все мы рискуем чокнуться. / Фортепьяно настроим чопорно...» Почему-то вспомнились строки известного романа: «Что это было? Чья победа? Кто победил? Кто побеждён?» Думается, что так или иначе, но побеждает Поэзия. Она обычно приходит тогда, когда «поцарапанное» любовью ли, болью ли, разочарованием ли сердце поэта, усомнившись, слабеет и становится проводником вечного...

Стоишь наедине с Предвечным,
Невидим Он.
Кто жив в пространстве бесконечном,
В Него влюблён.

Январская элегия

За давностью времён,
За дальностью разлуки
Не слышно голосов,
Не видно грустных глаз.
Лишь колокольный звон
Уныло сеет звуки,
Да ветер-острослов
Безумствует сейчас.

Сугробы намела
Январская позёмка,
Вновь иней у реки
Деревья опушил.
Печаль моя светла...
Алеет неба кромка...
Остатние деньки...
Неужто я здесь жил?

Вы помните меня,
Берёзы в старом сквере?
Хотите новых встреч,
Седые тополя?
При ярком свете дня
Следы ведут на север.
При тусклом свете свеч
Не крутится Земля.

Ау! Ау. Ау...
Нет отзова в округе.
И некого винить,
И не с кем уж дружить.
Забыв хулу, хвалу,
Бегу, как стайер в круге.
Пора бы уходить,
Да хочется побыть...

¹ Нехама – голубиная верность (иврит). – Примеч. автора.